

Стейси Рум

**Я
наблюдал
за тобой**

RUGRAM

УДК 82.31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Р82

Рум, Стейси.

Р82 Я наблюдал за тобой / С. Рум — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 428 с.

Они были самой яркой парой университета. «Туре и Даша — друзья навеки». Но однажды он бросил ее. Туре должен был навсегда уехать в свою родную страну, но вместо этого...трагически погиб. С тех пор Даша получает странные письма, подписанные его именем. Что это - чей-то дурацкий розыгрыш или послания с «того света»? Правда, что иногда спасение приходит оттуда, откуда его совсем не ждешь? И можно ли открыть сердце для новой любви, если оно разбито на мелкие кусочки?

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91971-0

© Стейси Рум, текст, 2024
© RUGRAM, оформление, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

Здравствуй, зайчонок!

Помнишь, в 4 классе мы «поженились»? Мы обещали друг другу, что будем вместе до конца наших дней, что я буду защищать тебя от всех, а когда мы вырастем, то поедem на юг? Мне очень жаль, я не смог сдержать это обещание.

Не буду ходить вокруг да около. Я уезжаю. В Швецию. Навсегда. Прости, я так и не смог сказать тебе об этом вживую. Если бы сказал, то боюсь, не сумел бы уйти. Мы бы оба не сумели. И оба сделали бы неправильный выбор. Но я не хочу тебя обманывать. Я больше не люблю тебя. Нет ничего, что держит меня здесь.

Я никогда не забуду те детские годы, которые мы провели бок о бок. Туре и Даша — друзья навеки. Жених и невеста.

Но время идёт, и мы уже не дети. Мы повзрослели. Нам нужно двигаться дальше, и, кажется, на этом этапе наши дорожки должны разбежаться. Мы переросли это. Мы больше не можем жить прошлым.

Компания отца открывает новый филиал в Стокгольме. Наша семья приняла решение, что только там он сможет по-настоящему реализоваться. Да и я тоже. Если я стану учить медицину в Швеции, у меня будет намного больше возможностей. Прости зайчонок, знаю,

мы с тобой многое планировали здесь, в России, но я как следует подумал и выбрал иной путь.

Ты хорошая, очень. Я никогда не встречал такой красивой, умной, яркой девушки. Наверное, никогда и не встречу. А я последний дурак, который обманул твоё доверие, и сейчас, этим письмом, я рушу все, я знаю. Ты заслуживаешь лучшего. Я не тот, кто тебе нужен. И ты тоже... ты тоже мне больше не нужна. Можешь злиться на меня, можешь возненавидеть, я пойму. Так будет даже лучше. Лучше, если ты будешь ненавидеть меня. Так всегда легче. Только не звони мне и не пиши. Ни о чем не спрашивай. Не пытайся меня найти. Я не приду в университет и не открою тебе дверь, если ты постучишь. Прости. Так будет лучше.

Я хочу закончить это письмо словами Желткова из твоего любимого «Гранатового браслета»:

«Вспоминаю каждый твой шаг, улыбку, взгляд, звук твоей походки. Сладкой грустью, тихой, прекрасной грустью обвеяны мои последние воспоминания. Но я не причиню тебе горя. Я ухожу один, молча, так угодно было богу и судьбе. „Да святится имя Твое“».

Прости меня, если сможешь, зайчонок.
Да святится имя Твоё.
Твой Туре.

Глава 1

ДАША

Я скомкала письмо и с силой швырнула его в стену. Через две минуты, правда, поняла, что погорячилась. Встала с кровати, подняла жалкий клочок бумаги и осторожно расправила. Измятые буквы смотрели на меня с сочувствием. Положила лист на стол, взяла с полки учебник по фармакологии, состоящий из тысячи страниц и со злостью хлопнула его на письмо: пусть лежит, расправляется под тяжестью. Я злилась. Злилась на себя, на Туре и вообще на весь мир. На себя за слабость, на Туре — за предательство, а на весь мир... просто потому, что хотела позлиться на кого-то еще.

И время он выбрал точно нарочно лучшее — последние дни каникул перед началом учебы! Завтра первый день в универе, и нельзя было придумать ничего лучше, чем поставить «топографическую анатомию и оперативную хирургию» с Герасимом на половину девятого. Ладно, вообще-то преподавателя, который кроме всего прочего являлся куратором нашей группы, зовут Герман Андреевич, но однажды мой друг и по совместительству одногруппник

Ромыч имел неосторожность обратиться к нему именно «Герасим Андреевич». Это вызвало волну смеха в группе и волну несчастий в жизни Ромыча — Герман Андреевич шутку не оценил. Зато с тех пор имя Герасим стало его негласным прозвищем в нашей группе. Но это все лирическое отступление. Вообще-то я хотела сказать, что расслабиться в первый день не получится: вчера Герасим предусмотрительно написал нашей старосте и напомнил, что даже к первому занятию в году мы должны прийти подготовленными. Как вы поняли, шутить он не любит. И конечно же хирургия — последнее, о чем мне сейчас хотелось думать. Спасибо тебе, Туре, большое!

Злые слезы продолжали предательски капать на раскрытую книгу.

Стоял один из последних августовских дней, когда я получила это злосчастное письмо. Еще по-летнему беспечный, но уже по-осеннему холодный. Мы с Туре договорились встретиться в нашей любимой кофейне — последние глотки свободы перед адским вихрем учебы на третьем курсе медицинского. Я пришла первой. В нашей паре такое случалось частенько: два года назад Туре со своей семьей переехал в центр. А как это часто бывает — чем ближе живешь, тем позже приходишь.

Я заняла наш любимый столик у широкого панорамного окна и по традиции заказала банановое какао. С тех пор, как мы впервые пришли сюда в десятом классе, два этих пункта стали неизменной составляющей моей жизни. Достала из сумки планшет, чтобы немного поработать над одним проектом, который задумала еще на втором курсе. У Туре оставалось десять минут на то, чтобы прийти.

Однако через десять минут Туре не появился. Не появился он и через двадцать. «Ты где?» — набрала я короткое сообщение. Ничего, он в сети, а значит, ответ не заставит себя долго ждать.

Но я ошиблась. Спустя несколько минут Туре вышел со страницы, а сообщение так и осталось неп прочитанным.

«Туре?»

«???»

Часы показывали половину четвёртого — с момента нашей встречи должно было уже пройти полчаса. Я поняла это, когда зазвонил телефон. «Туре! Наверное, у него что-то случилось», — первая мысль, которая посетила меня в тот момент. Но это оказался не Туре, а моя лучшая подруга Вика.

— А, это ты... Привет.

— Что значит «А, это ты», Рыбникова? Ты не ждала моего звонка?

— Нет, то есть да, то есть... в общем, думала, что это Туре звонит.

На другом конце провода хмыкнули.

— Мы просто встретиться договорились, — тут же поспешила пояснить я, — но уже полчаса прошло, а его все нет. И на сообщения не отвечает.

— Странно, подруга, минут двадцать назад он писал мне, спрашивал мэил препода.

И правда странно. Допустим, Туре действительно мог написать Вике по поводу учебы, ведь она староста нашей группы. Но он должен был находиться здесь, со мной. Почему же он не отвечает?

— Даш, ты там оглохла?

— А, прости, задумалась. Что, говоришь?

Нутром чувствую, как у подруги закатились глаза.

— Туре твой, говорю, совсем оборзел. Сейчас я ему напишу. И пусть только попробует не ответить — «энки» буду на лекциях ставить до конца шестого курса.

— Может у него что-то случилось, Вик?

— Да что с ним случится, с этим бычарой?

— Сама ты бычара! — возмутилась я. Туре хоть и был высоким, но его достаточно стройное тело ничего общего с крупным рогатым скотом не имело.

— Дурная ты, Дарья. Вроде бы в учебе умная, а в отношениях — совсем дурная. Не придёт твой Туре. Можешь разворачиваться и смело ехать домой.

Но вопреки советам подруги я решила подождать ещё минут пятнадцать. Детский лепет о том, что Туре может назначить встречу, а потом просто на нее не явиться — уж точно не про наши отношения. Не знаю, злило меня происходящее или же немного пугало. Наверное все же больше пугало, чем злило: за пять лет отношений Туре никогда не вёл себя подобным образом, а значит, его поведению должно было найтись какое-то логическое объяснение. Но с другой стороны, ведь он был в сети, писал Вике, да и телефон у него тоже был включён. Значит, он мог бы ответить мне, если бы захотел?

А, ну его! Я прождала Туре почти час а, если верить древним стереотипам, девушки вообще должны опаздывать. Но у нас выходит все наоборот. Как бы я ни любила Туре, мое терпение не бесконечно. Я домой.

Мой дом (точнее, дом моей семьи) находился на окраине города в коттеджном посёлке с весьма прозаичным названием Копи. У жизни в таком посёлке было две стороны: с одной, это, конечно,

здорово, когда к заднему дворику твоего дома подступает сосновый лес. Да и сам по себе частный дом — тоже нереально круто. Мы переехали сюда, когда я была еще ничего не смыслящим младенцем, а спустя пять лет родители переоборудовали кабинет отца на верхнем этаже в детскую, тут же ставшую моей комнатой. Для маленькой девочки своя комната с мансардной крышей казалась чем-то сказочным. Но была и обратная сторона: хоть Копи и считались частью города, добираться отсюда — сущий ад, если у тебя нет машины. Каждый раз, выезжая утром в ВУЗ, я проклинала все на свете и очень завидовала всем, кто живет в общежитиях. Ведь из общежитий до большинства корпусов путь занимал пять минут ходьбы спокойным шагом.

Машины у меня не было, хотя мечтала я о ней уже давно, с тех самых пор, как сдала на права в восемнадцать лет. Добираться приходилось своими силами, и часто моя дорога включала в себя не одну пересадку. Но сейчас я решила проехаться на трамвае до конечной, а оттуда — немного пройти. Погода к этому располагала, да и привести мысли в порядок было бы не лишним.

По дороге еще несколько раз набрала Туре. Но результат оставался неизменным: абонент недоступен или находится вне зоны действия сети. Кажется, за этот день я прошла все стадии своего маленького горя сразу: сначала отрицала — Туре не мог поступить подло, всему есть своё объяснение; потом злилась на него; торговалась то ли с ним, то ли с самой собой — вот сейчас он возьмёт трубку, и тогда я прощу эту странную выходку; потом впала в грусть и уныние — кажется, меня все-таки предали. А домой пришла, преисполненная какого-то удивительного

душевного спокойствия — наконец пришло принятие. В конце концов, мало ли что могло произойти.

— Есть кто дома? — громко крикнула я, запирая входную дверь изнутри.

— Даша пришла! — раздался голос Максима, моего младшего брата, где-то в глубине дома. — Мы заняты, в дженгу играем. Будешь с нами?

— Нет, Макс. Не в этот раз. Привет, мам, пап, — помахала я рукой и собиралась незаметно юркнуть к себе наверх.

— Привет, дочь, — отвлеклась от общей игры мама. — Ты как-то быстро сегодня, не поссорилась с Туре?

— Нет, мам, не поссорилась. Ладно, я, пожалуй, к себе пойду.

— Стой. Мы заказывали пиццу, тебе оставили твою любимую пепперони. Она на кухне, иди поешь. И ещё тебе там письмо.

— Письмо? — нахмурилась я. — Какое еще письмо?

У меня не было абсолютно никого из знакомых, кто мог бы посылать мне письма.

— Странное. Самодельное, кто-то явно минуя почту закинул в ящик. И адресата нет.

— Любовные послания, — исподтишка хихикнул папа.

Письмо и правда было странным. Небольшой конверт из крафтовой бумаги с неаккуратно подклеенными краями. Действительно ручная работа. На конверте огромными печатными буквами синим фломастером выведено: «Даше». Приди такое послание Макс, я бы тоже пошутила про любовные записки, потому что оно и вправду очень смахивало на какую-то нелепую валентинку. Но сейчас было